

ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОЛХОЗОВ – Послевоенное детство, конь Барс,

История учит нас бережно относиться к памяти прошлого. Важно не только помнить факты и события, но и беречь в генетической памяти истории о судьбах как великих выдающихся личностей, так и простых людей, у которых была своя жизнь и своё предназначение. Всё это в полной мере отражается в творчестве известного писателя, друга редакции «Аргументы недели» Виктора Трифоновича СЛИПЕНЧУКА.

На книжном фестивале «Красная площадь», который состоялся в июне нынешнего года, было задано множество вопросов от читателей. В №47 был опубликован ответ на вопрос Натальи Равкиной. Сегодня Виктор Трифонович отвечает на вопрос Ольги ВАДИМОВОЙ.

–У ВАС много интересных историй о вашем отце – председателе колхоза, о вашей работе на Алтайском тракторном заводе, о работе инспектором-организатором, о вашем мотоцикле и первом автомобиле. Расскажите об этом, пожалуйста!

– Мой отец Трифон Ахсентьевич Слипичук родился в 1906 году в селе Ненадыха. Впрочем, как и мама – Наталья Антонова Куш. Они из одного села. Я бывал в Ненадыхе в советские времена по весне. И поразился точности названия. В Ненадыхе воздух такой объёмный, полный запахов цветения фруктовых деревьев, что им действительно не надышишься. Порусски – Ненадыха, воспринимается как место проживания, которое совершенно не отражает сути села.

А суть в том, что любимым самым объёмным воздухом сыт не будешь. В тринадцать лет мой отец стал сиротой. И не просто сиротой – на его попечении остались его сестра, моя тётя Таня, и самый младший брат Тихон, которого я никогда не видел. Но слышал, что он был скрипачом-самоучкой – скрипкой зарабатывал на хлеб.

В общем, социальное положение отца было – голытьба. Тётя Таня, когда спрашивал о том времени, говорила: «Ой, не приведи господи! Спали в пустом доме на сене и сеном укрывались».

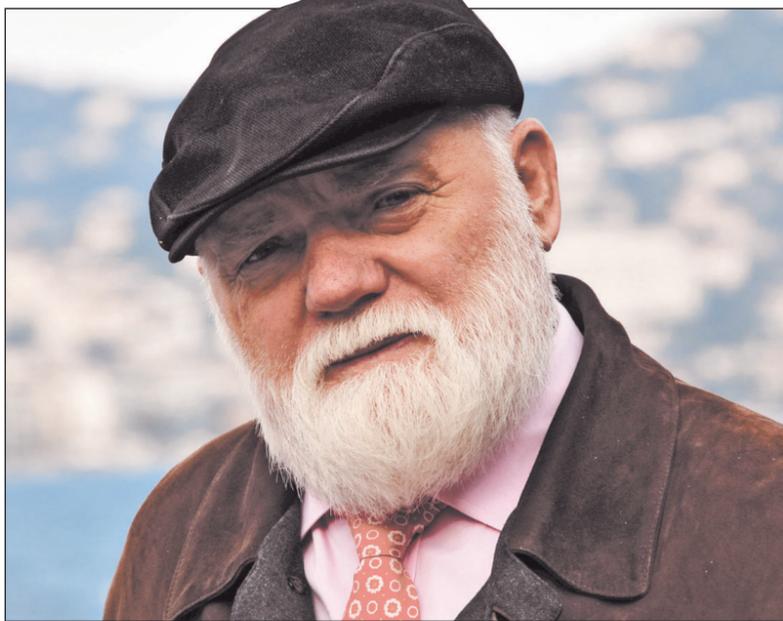
Естественно, отец был первым комсомольцем на селе. А к таким, как отец, новая власть присматривалась, чем могла помогала. Но и комсомольцы тех лет себя не щадили. Все постановления власти на селе с них начинались. И их же при перегибах власти первыми ставили к стенке, для устойчивости повестки дня.

Отец по тем временам считался грамотным, окончил начальную школу (четыре класса). Женился в шестнадцать лет – они с мамой одногодки. Когда отца взяли на службу в армию на три месяца (в Белой Церкви стоял кавалерийский отряд красноармейцев), у него уже было две дочери – Галина и Оля (погодки), мои старшие сёстры. По окончании службы командир предложил отцу поехать на Дальний Восток красноармейцем-переселенцем. Отец согласился. Так мы оказались в селе Черниговка Приморского края. Здесь родились Рая, Володя, Эдик и я. (Сестру Ларису удочерили во время Отечественной войны. Она одногодка с Эдиком.)

Имена нам придумывали сёстры, им в основном и приходилось нянчиться с нами. Родители с темна до темна на работе, мы, дети, целыми днями были предоставлены сами себе.

Хорошо помню отчётно-перевыборное собрание в колхозном клубе. Взрослые на лавках, пацанва – под лавками. (Были такие лавки с разделительными ручками сверху, а снизу широкие и длинные с высокими ножками.) Очень удобные лавки для нас, лежащих под ними. Даже голову можно было приподнять и видеть, что происходит на сцене.

На сцене стоял длинный стол, накрытый красным сукном. (На отчётно-перевыборном собрании обязательно присутствовали представители из райкома партии или из райисполкома.) В ход шло всё лучшее, чем располагал колхоз. Выносились поближе

к трибуне все имеющиеся знамёна, протирались стёкла на портретах вождей, запрещалось курить в помещении. В общем, многое из того, что сегодня обыденность, тогда представлялось рубежами для достижений в общественной жизни.

В рекомендациях для моряков, идущих в заграничку (за границу), даже в моё время было указание: заходя в помещение, необходимо снимать шапки. Так сказать, дань прошлому – атавизм. Когда выходил из кабинета Первого отдела, обязательно кто-нибудь встречал шуткой: «Подписал бумажку, что за рубежом не будешь сморкаться в занавески?» Но я отвлекся.

Отец был председателем колхоза РВС (Революционного военного совета) и запомнился нам, пацанве, и не только пацанве, а большинству жителей Черниговки, что в район, к начальству, ездил на бледно-сером жеребце орловской породы.

Это был высокорослый конь, очень красивый (шея с лебединым изгибом) и, главное, одарённый – без всякой выучки ходил иноходью, то есть аллюром без скачков. Тогда мы это называли ровным галопом, подразумевая, что бег Барса (так звали жеребца) намного быстрее бега самых дипломированных рысаков. Хотя сам Барс тоже считался рысаком и очень красиво ходил

рысью. Единственным его недостатком было, что он не годился для телеги и перевозки грузов. Но и задача перед ним стояла другая – показать себя, чистопородного, в красивом беге и, конечно, председателя колхоза показать, его понимание красоты сельской жизни.

Когда отец погрузил, ему сделали коляску на двух утолщённых велосипедных колёсах. Бывало, он пролетит на Барсе по нашей улице, и сразу все начинают не без удовольствия судачить – должно быть, председатель в район поехал или в Уссурийск. (От Черниговки до Уссурийска – без малого семьдесят пять километров.) Впрочем, точно знаю, летал отец в Уссурийск на

Барсе к однополчанину, директору «эспэ-тэу». Устраивал сестру Ларису на учёбу в закройщицы по мужской и женской одежде. (Не клеилась у неё учёба в средней школе.) Вся жизнь Лариса была благодарна отцу за выбор профессии. А уж как были довольны модницы Дальнегорска. Портрет Ларисы всегда красовался на Доске почёта.

Иногда отец брал меня в свой плетённый из ремней короб коляски, и мы вместе пролетали, так сказать, по Питерской.

Когда отца сняли с председателей – колхозники в большинстве были недовольны. Несколько дней шло запомнившееся отчётно-перевыборное собрание.

Нового председателя привезли на машине «победа». Машины «эмка», «виллис» мы уже знали, а «победа» была в диковинку. Её выделили колхозу по специальной разрядке. Колхоз РВС всегда был в передовиках, а фамилия отца как председателя так часто звучала по радио, что в дошкольные годы я думал, что председателями колхоза могут быть только люди, имеющие фамилию Слипичук.

Какое-то время райисполкомовские работники уговаривали колхозников снять моего отца с председателей без шума. Навхваливали приехавшего кандидата. Говорили о его высшем образовании, обещали

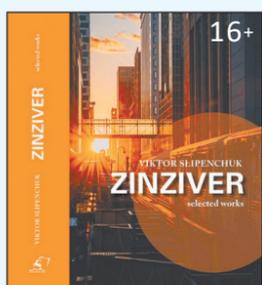
Сборник избранных произведений живого классика Виктора Трифоновича Слипичука получил престижную награду британского издательства Hertfordshire Press

Присуждение премии Hertfordshire Press Award за выдающиеся достижения в области формирования и продвижения литературного наследия стран Евразии в международном пространстве прошло 29 ноября 2024 года в рамках восьмого международного фестиваля Eurasian Creative Week в городе Гринок, Шотландия. В преддверии Нового года вручение заветной статуэтки за сборник романов и повестей «Zinziver», в который вошли самые знаковые работы автора, стало особенно символическим, как торжество культуры и общечеловеческих ценностей.

МЕРОПРИЯТИЯ фестиваля ЕСW и церемония награждения объединили творческих людей и дипломатов из 15 стран мира. Деятели литературы, издавшие свои книги в британском издательстве Hertfordshire Press за последние два года, по традиции получили сертификаты и статуэтки за своё профессиональное мастерство и выстраивание гуманитарных связей как внутри стран Евразийского пространства, так и за его пределами.

Категория Critics' Choice («Выбор критиков») всегда бы-

ла одной из наиболее значимых премий, подчёркивая не только талант автора, но и актуальность его произведения, его соответствие вызовам времени и высочайшей литературной выразительности. Премия в данной категории была торжественно присуждена Виктору Трифоновичу Слипичуку за сборник романов и повестей «Zinziver», вышедший на английском языке в 2024 году. Переводчиком книги стал Антон Коваленко (Канада), а редакторами англоязычной адаптации – Франческа Мефам и Лаура Гамильтон (Великобри-

тания). Стоит отметить, что ранее роман «Zinziver» выходил на французском и китайском языках, как символ развития и укрепления международных гуманитарных и культурных связей, что также подчеркнул глава издательства Hertfordshire Press Марат Ахмеджанов. «Язык и традиции – одни из самых важных проявлений культуры. И мы с гордостью специализируемся на переводах авторов стран Евразии на самые разные языки мира и издания их книг в Лондоне, делая их работы доступными для мировой аудитории уже более 20 лет», – добавил он.

Сам Виктор Трифонович – человек, безусловно, выдающийся, и его биография достойна отдельного изучения. За свою жизнь он освоил немало удивительных и сложных профессий – от геологоразведчика и

зоотехника до моряка и журналиста. Этот богатый жизненный опыт лёг в основу его произведений, наполненных удивительно целостными, жизненными и близкими читательской аудитории характерами, что делает его книги такими востребованными в самых разных уголках мира. В свои 83 года он по-прежнему активно работает над продвижением культурного наследия России и стран бывшего Советского Союза в ключе общечеловеческих ценностей. Он является Хранителем Eurasian Creative Guild (London) – международной организации, созданной для поддержки писателей, музыкантов, художников, кинематографистов и многих других творческих специалистов в более чем 70 странах мира.

Книга уже доступна в официальном онлайн-магазине издательства discovery-bookshop.com Hertfordshire Press – это уникальное издательство, которое знакомит англоязычных (и не только) читателей во всём

мире с Евразией через издание книг авторов региона, журналов, путеводителей, проведение литературных фестивалей и форумов. Издательство с 2002 года специализируется на переводах современной художественной и научно-популярной литературы авторов евразийских народов, а также на переиздании произведений прошлых лет, которые, несмотря на их неугасающую актуальность, в настоящее время недоступны на английском языке. Каталог издательства насчитывает более 250 произведений авторов из 15 стран, а общий тираж превысил 1 000 000 экземпляров. Издательство официально остаётся вне политических, религиозных или любых других событий, поддерживая культуру и искусство.

ВСЕ СЛИПЕНЧУКИ!

МОТОЦИКЛ «ИЖ Планета»

улучшить обеспечение колхоза РВС сельхозтехникой. А потом напрямую стали угрожать, что несогласие с линией руководства района может обернуться для колхозников всевозможными дополнительными проверками и ревизиями, в том числе и в отношении личного хозяйства — земельных наделов, скота, птицы и так далее.

Недовольные отцом, разумеется, были, но, когда объявили, что участников собрания незнамо для чего переписут для отчёта в райком партии, все мужики на собрании, несмотря на предупреждения, дружно закурили. Причём на самокрутки пустили бумажки, которые им раздали для голосования. Одна женщина из работниц райисполкома (как сегодня понимаю, очевидно, преподавательница русского языка и литературы) громко возмущалась: «Вот они, колхозники, — *тьма египетская!*»

Скажу откровенно, я искренне разделял её возмущение. Тогда в основном курили махорку и самосад. Мы, пацанва, даже под лавками закашливались. Нас стали выгонять на улицу, а там декабрьская темень, ветер со снегом. Поднялся детский плач, рёв. Поступило предложение по-быстрому в открытую проголосовать и разойтись по домам.

Проголосовали, лес рук, единогласно — отставить в председателях отца. Райисполкомовские работники голосование отвергли. Перенесли собрание на следующий день. Но и на следующий день, при тайном голосовании (бумажками из амбарных книг) большинство колхозников проголосовали за кандидатуру отца.

Отец был проверенным членом партии, все чистки прошёл. Семь лет проходил в кандидатах и только в 1937 году был принят в партию. Среди председателей колхозов одним из первых удостоился награды — медали «За трудовую доблесть». В районе с ним считались.

На третий день где-то в полдень на собрание приехал сам первый секретарь райкома партии. Как сейчас помню, приехал на «виллисе», в кожаном реглане, но без всякой помпезности, то есть один, без сопровождающих. Вошёл к отцу в кабинет. Долго беседовали, а потом вместе пришли на собрание.

Вначале выступил первый секретарь, рассказал о тяжёлой международной обстановке, потом немного о районных делах. Главным было указание партии и правительства — повсеместно внедрять полное семилетнее образование. Так сказать, обнародовал повестку дня на всю предстоящую пятилетку.

Колхозники неожиданно заартачились: «Колосок пшеницы не знает, сколько классов у того, кто его взрастил. Была бы вовремя вода, тепло и подкормка». Никто напрямую против секретаря не высказывался, но мысль сводилась к одному — как бы ни был хорош пришлый кандидат в председатели, а свой председатель лучше — притёрлись к нему. После секретаря дали слово отцу.

Отец всегда говорил негромко, но отчётливо, все умолкали, прислушивались. Он приводил примеры из повседневной жизни, иногда весёлые, иногда не очень. Отец как бы раздвигал рамки окружающей жизни, и всё, о чём он говорил, становилось простым и понятным даже нам, пацанве.

Отец и на отчётно-перевыборном собрании выступил хорошо, с запоминающимися подробностями. Но тогда его выступление мне категорически не понравилось. Он приводил примеры исключительно против себя. О своих просчётах, особенно в руководстве. И там и сям можно было сделать лучше. Даже колхозники с мест стали выкрикивать:

— Ты, Трифон Аксентьевич, своим трудом заработал машину «победу». При тебе колхоз РВС всегда в передовиках, а ездить на «побед» ноне будет председатель с высшим образованием — несправедливо! Опять нас, колхозников, гонят в крепост-

ные. Теперь барами будут те, кто с высшим образованием.

Не знаю, уместно ли, но замечу, что в нашей семье все, кроме Ларисы, получили высшее образование.

Первый секретарь райкома партии в выступлении колхозников не встревал, мертвобидел за столом президиума, только желваки ходили. Колхозники с мест стали требовать, чтобы отец говорил прямее. И отец сказал, что это линия партии, и это правильная линия. И тут же огорошил всех, что его прошение о сложении председательских полномочий уже лежит на столе в кабинете. Оказывается, в полдень в присутствии первого секретаря райкома партии он его написал.

Приказ нового председателя о сдаче на мясокомбинат жеребца Барса был в числе первых. Ему, новому председателю колхоза РВС, жеребец был не нужен, у председателя для поездок имеется машина. Да и управлять таким жеребцом, как Барс, — дело непростое. Высокий, мощный, глаза умные, понимающие, безошибочно чувствовал, что за человек перед ним. В колхозе помимо Барса ещё были два-три десятка рабочих лошадей, но они направления в животноводстве не делали. В колхозе РВС главным направлением было разведение крупного рогатого скота и производство молока и мяса. Так что никакой племенной ценности для колхоза жеребец Барс не представлял, и его, наверное, свезли бы на мясокомбинат и забили. Но за жеребца заступилось правление колхоза, отменило председательский приказ. У правления были такие полномочия.

Что-то такое есть в человеке, что дано нам свыше для понимания самих себя, своей человеческой сути. Не случайно же в книге Бытие сказано: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привёл их к человеку, чтобы видеть, как назовёт их, и чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2:19). Думаю, что **имя — это не только имя как таковое, это прозвище именем каждой клеточки твоей души. Имя — это твоя вечная одежда на все времена.**

По решению правления колхоза выделили Барсу отдельное сухое помещение в пределах молочно-товарной фермы (недалеко от нашего дома), поставили на довольствие. Отец выгуливал Барса неукоснительно и иногда в особые дни сажал меня на его высокую холку.

Когда мы (молодая семья) приехали в Черниговку, отец под уздцы привёл Барса за наш сарай и, едва дотягиваясь до холки, усадил на него моего полуторагодовалого Мишу.

— И что ты видишь, унучек? — спросил дед Трифон.

— Вижу большой дом-водокачку, — сказал Миша.

Это было так неожиданно и смешно, что на всю жизнь запомнилось.

Барс стоял смирно. Светло-серой масти, убелённый сединами, он теперь казался абсолютно белым и, как прежде, был неописуемо красив. Большинство людей тоже и в старости весьма красивы, но не всем дано это видеть. По моим приблизительным подсчётам, жеребец Барс прожил около двадцати пяти лет.

Ответ на следующий вопрос начну с того, что моя специальность — *учёный-зоотехник* (так записано в дипломе). Я окончил Омский сельскохозяйственный институт имени Сергея Мироновича Кирова. Ныне это Аграрный университет имени Петра Аркадьевича Столыпина.

В 1963 году я завалил госэкзамен по политической экономии. Заваливать решающие экзамены стало моей какой-то сакральной традицией. (В школе на экзаменах на аттестат зрелости завалил физику — не знал закон Ома.) И в институте не просто завалил, а завалил, что называется, с блеском. То есть стал утверждать, что ос-

новным законом социализма является не закон удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных благ общества, а закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Как-то забыть моё неправильное понимание экономических законов экзаменационная комиссия не смогла. Во мне увидели чрезвычайно опасного махрового ревизиониста. Впрочем, сам дал повод.

В то время я уже считал себя состоявшимся поэтом, писал стихи, часто печатался в институтской многотиражке «Кировец», выступал по институтскому радио. На мой госэкзамен собралось много студентов с других факультетов. Что скажет поэт?! — ждали, скажем так, эпатажного события. И я никого не подвёл.

Как бы там ни было, но завал на госах — это реально завал... Я решил бросить институт. Пришёл в деканат за документами. Меня направили к заместителю проректора по научной части Гинзбургу (в нашем институтском литобъединении говорили, что он дальний родственник писателя Василия Аксёнова). Гинзбург убедил меня не забирать документы. А в следующем году передать политэкономии и получить диплом об окончании института. Он легко убедил меня, потому что **повестью Василия Аксёнова «Коллеги»** мы, студенты, тогда зачитывались.

Гала, моя будущая жена Галина Михайловна Слипенчук, позвонила мне, чтобы не переживал. В один из приездов к ней (она окончила институт раньше меня) мы втайне от всех родственников поженились — так я оказался на Алтае, в городе Рубцовске.

Рубцовск знаменит своим АТЗ, Алтайским тракторным заводом. Более двадцати тысяч рабочих работало на нём. Я легко устроился на конвейер сборки лебёдки трелёвочного трактора, но лебёдки меня не интересовали. Меня интересовали местные поэты, **местная газета «Коммунистический призыв»** и **Рубцовское телевидение**. В те времена (шестидесятые годы) в Рубцовске было своё телевидение. Об этом периоде жизни у меня есть стихотворение, посвящённое Николаю Пустынникову, где пишу:

Я даже не предполагал,
Что, покидая дом отцовский,
Открою шумный балаган
Поэтов в городе Рубцовске.

Что буду с ними пить и петь
Не потому, что удаётся,
А потому, что как не петь,
Когда душе твоей поётся?!

Однажды проспал третью смену, проснулся среди ночи, Гала говорит: «К тебе с работы только что приезжали, какой-то предмет в прихожей оставили, сказали, чтобы теперь с ним ходил на работу, иначе на проходной не пропустят». Пошли смотреть.

Действительно, к стенке приставлен лист фанеры очень светлого небесного цвета размером примерно 150 на 50 сантиметров. Повернулся к свету. На другой стороне рисунок — красочный забулдыга. Весь в татуировках (видит Бог, у меня и поныне нет ни одной татуировки). В общем, лежит красавец на каких-то железках, нога на ногу, борода словно кактус. Одна рука под головой, другую обессиленно уронил на опрокинутый стакан и опорожнённую бутылку. Именно на ней наколка — «Не забуду мать родную». И снизу подпись под забулдыгой, словно гербовая печать, — «ПРОГУЛЬЩИК!».

Моему возмущению не было предела, был оскорблён до глубины души — не поленились, приехали, ошастливили! Гала хочет: «Это теперь твой пропуск на завод. И фотографироваться не надо — бесплатный автопортрет с доставкой на дом!»

По весне следующего года (в марте 1964-го) пересдал экзамен по политэконо-

мии. Получил диплом об окончании института и сразу же устроился на работу в Рубцовское сельхозуправление инспектором-организатором. Устраиваясь, с удивлением узнал, что должность инспектора-организатора до моего прихода пустовала — не находилось желающих.

Тогда парткомы и государственные органы были разделены на промышленные и сельскохозяйственные, и всюду на местах **шла реорганизация**. Никто толком не знал, что инспектировать и что организовывать. Кроме того, в самом названии должности звучала какая-то такая непрекращаемая угроза, что её, как мне кажется, просто побаивались. Во всяком случае, завкадрами (секретарь парткома), согласовав моё заявление на работу в каких-то неведомых мне сферах, загадочно улыбувшись, пошутил, что маузера для меня у него нет. Согласитесь, очень странная шутка.

Для ознакомления с должностью завкадрами пододвинул бумагу за подписью начальника сельхозуправления. В бумаге указывалось, что инспектор-организатор должен быть специалистом с высшим сельскохозяйственным образованием и обеспечен государственным транспортом.

С транспортом сразу же начались проблемы. В управлении на баланс был мотоцикл «Иж Планета» с льюшкой, который взял в своё частное пользование один из бухгалтеров. Он не хотел отдавать мотоцикл и объявил мне войну. Я был «...один как перст на площади Восстания» (стихи поэта Геннадия Кротова). Не дай бог никому связываться с бухгалтерами. На всякую бумажку им требуется дополнительная бумажка.

В заключительной фазе противоборства (передача транспорта из рук в руки происходила во время обеда) все работники управления высыпали во двор. Апрель — бушующее солнце. Все изголодались по теплу. А тут бесплатное представление — хороший повод на минутку-другую задержаться на улице, подышать весенним воздухом.

Оппонент вывел из управленческого гаража мотоцикл — объёмистый, двухцилиндровый, светло-синего небесного цвета. Кое-где краска на бензобаке облупилась, но в целом мотоцикл сиял. Не мотоцикл, а праздник! Незаконный владелец транспорта (мужик лет под сорок) явно по наущению коллектива бухгалтеров спросил, умею ли я водить мотоцикл, попросил предъявить права на вождение мотоцикла. Я был в китайской кожаной куртке на молниях и брюках с множеством карманов. Стал их ощупывать, послышались реплики: «Ой! Неужели забыл?! Непростительная оплошность». — «У стенки спал, наверное, выпали...» — «Да нет у него никаких прав и никогда не было!..» Люди веселились, а меня охватило волнение — чувствовал, что стал частью события, которое, хочешь того или не хочешь, предстоит пережить.

Предъявил права и явно по подсказке свыше поинтересовался — где льюшка от мотоцикла? Оппонент занервничал, стал сбивчиво объяснять, что льюшка помята, он теперь держит в ней мешок с зерном для домашней птицы. Весёлый гомон утих. Оппонент повысил голос:

— Будете принимать или как?..

Мной овладело олимпийское спокойствие.

— Заведите машину!

Не знаю, почему так сказал.

— О-о! Так это машина?! Наверное — «Линкольн» или «мерседес»? А мы и не знали?!

И пошло-поехало... Вновь с весёлым ехидством посыпались реплики. Особенно старались бухгалтера. Оппонент успокоился, вставил ключ, крутанул заводную педаль. Мотоцикл завёлся с пол-оборота. Мотор работал мягко, почти неслышно.

ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОЛХОЗОВ – ВСЕ СЛИПЕНЧУКИ!

Послевоенное детство, конь Барс, мотоцикл «Иж Планета»

Окончание.
Начало на с. 18–19

ПРИДЁТСЯ выхлопные трубы обрезать. Сказал просто так – для прикола. (Мне тогда было 22 года.) Многих заинтересовало, стали переспрашивать: «Что он сказал?! Что сказал?..» Оппонент перевёл – сказал, что он сейчас класс покажет! И попросил всех отойти.

Меня заинтересовало седло – широкое, мягкое, на пружинах. Сел в него – и словно слился с мотоциклом. Никакого класса показывать не думал, крутанул ручку газа, хотел слезть с мотоцикла, но нечаянно надавил на педаль скоростей. А он, мощный, двухцилиндровый, на езде с люлькой рассчитанный, словно напуганный конь рванул из-под меня. Руки сорвались. Опрокинутый на спину, невольно вскинул их и, словно всадник-циркач, выдохнул – оппа! Премонстрировал именно трюк, о котором прежде не знал и не ведал.

Посреди управленческого двора, обнесённого тесовым забором, находилась огромная гора глины, заготовленная с осени, – предполагалось произвестить ремонт гаража, утеплить. Гора за зиму хотя и подседела, но её слегка примятый верх довольно изрядно возвышался над забором. С улицы её было видно почти отовсюду. Вслед за водителями все управленцы не

без иронии ласково называли гору «наш Эверест».

Как молния сверкнула мысль – только не на «Эверест»! Уж не знаю как, словно змея-медянка перед нападением, приподнялся и выпрямился в спине, а потом плашмя всем телом плюхнулся на бензобак, хватаясь за руль, чтобы уменьшить газ. Но, как и бывает, только прибавил газу.

Никогда человеческий разум не работает так быстро и чётко, как в критической ситуации. Обожгла мысль, что встреча с забором неизбежна, – наверное, куртку порву, а я её не носил, берёг. И вот на тебе!.. За спиной услышал испуганный вскрик управленцев, но теперь он не имел значения.

Надо добавить газу, чтобы на крутизне не опрокинуться на спину. А потом, на вершине, припасть к мотоциклу и попытаться врезаться в забор между прожилинами, на которые прибиты доски.

Мысль работала с опережением реальности, давала запас на коррекцию факта по ходу дела.

С газом переборщил. Взлетел над «Эверестом». Взлёт оценил по взревшему мотору, внезапно освободившемуся от нагрузки. Ловя равновесие, припал к бензобаку и рывком, насколько мог, выбросил руки вперёд за пределы руля. Переднее колесо, качнувшись, замерло. Или – или?! Страшная секунда. Если подобное случается над пропа-

стью, наверное, в такие секунды седеют. Во всяком случае, по спине пробежал нервный холодок. Кожа на голове как бы отделилась. Переднее колесо замерло в пустоте. В этот момент я не слышал рёва мотоцикла, он исчез. Невероятно медленно, но всё же колесо стало опускаться.

Волна облегчения мгновенно смыла все прежние мысли и чувства. Я увидел, что ворота двора сельхозуправления раскрыты настезь. Опасаясь сбить кого-нибудь на улице и чтобы самому не залететь под машину, сбросил газ. Пришло решение – не возвращаться во двор управления, а поехать в один из самых дальних колхозов Рубцовского района «Память Ленина». Возвращаясь, попал под дождь, упал 154 раза.

Что касается первого автомобиля – его приобрела Галина Михайловна, моя жена. В советское время приобрести автомобиль было делом очень затруднительным. И не только по деньгам – средняя зарплата обычного инженера была 120–150 рублей, в лучшем случае 170. Кроме того, во всех министерствах на автомобили существовали специальные разнарядки. Автомобиль являлся стимулом, и в первую очередь ими обеспечивались передовики производства.

Тогда мы жили в Новгороде, и ответственным секретарём Новгородской областной писательской организации был

Борис Степанович Романов. У него были «жигули» («копейка») зелёного цвета. Он иногда заходил ко мне, как говорится, разговоры разговаривать. Гала по-быстрому собирала на стол, а в конце наших разговоров предлагала чай в тёмно-синих фарфоровых чашках. И всегда, вставая из-за стола, Борис Степанович обещал – будут, будут у тебя «жигули»! Он стучал ногтем по тёмно-синей чашке и объявлял – вот такого кобальтового цвета.

Видит Бог, никогда с ним не разговаривал о машинах вообще и о «жигулях» в частности. Это было похоже на какой-то необъяснимый ритуал, который нас с Галой веселил своей несбыточностью. Тем не менее за десять лет нашей жизни в Новгороде Борис Степанович всё-таки достучался до небес.

Однажды прихожу домой из офиса СП. А у подъезда стоит ижевский «Москвич-412» зелёного цвета. Стоит, ну и пусть стоит – никакого внимания не обратил. И вдруг со стороны автобусной остановки Державина появляется Гала и, окликнув меня, взволнованно спрашивает:

– Это наш «москвич»?! – И тут же объявляет: – Конечно, наш, потому что без номеров!

Оказывается, новгородский телевизионный завод «Садко», на котором она работала в отделе комплектации, решением директора премировал её машиной «москвич». Причём она ничего не знала.

Был понедельник. У директора собралось начальство. Обсуждали отсутствие «ос». Не знаю, что это такое, но с пятницы из-за этих «ос» телевизионный завод якобы простаивал. Директор рвал и метал, на головы начальников отделов сыпались выговора. Никто не знал, где взять эти «осы». Конец года, все телевизионные заводы придерживали свои запасы. Да и время было непростое – страна разваливалась.

И вдруг появляется начальник отдела комплектации и говорит, что в ночь с пятницы на субботу из Ивано-Франковска привезли «осы» и завод ни секунды не простаивал. И этих «ос» хватит ещё на два месяца вперёд, а то и больше. Это было так неожиданно и так кстати, что все облегчённо вздохнули.

Директор заинтересовался – кто обеспечил доставку «ос»? Начальник указал. Тут же выяснили, что три года назад Гала подала заявку на «москвич». Директор распорядился:

– Немедленно подготовить приказ и выдать машину.

Машина обошлась нам в 23 тысячи 500 рублей. Тогда женские итальянские сапоги стоили 22 тысячи. И ещё «москвич» имел имя. Я ласково называл его Козликом. Все другие машины имени не имели и не имеют. Вот, пожалуй, и всё, что можно рассказать о первой машине.

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru